

**СОПОСТАВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОГО КОСТЮМА
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АРХЕОЛОГОВ**

Ключевые слова: костюм, одежда, археологические источники, этнографические источники, Древняя Русь, покрой, сарафан, понева, рубаха

В статье рассматривается проблема взаимосвязи древнерусского костюма и русского традиционного костюма XIX — начала XX в. и ее изучение археологами и этнографами. Предположение о древности некоторых форм одежды XIX — начала XX в. позволило использовать этнографические материалы в изучении древнерусского костюма, его типологии и реконструкции. Чаще всего предметом археолого-этнографических исследований становились покрой рубахи, женский головной убор и набедренная одежда типа поневы. Сегодня с уверенностью можно говорить об архаичности таких видов одежды, как поликовая рубаха и понева. Прослеживаются параллели в формах найденных археологами и описанных этнографами головных уборов, рубах и их деталей. В то же время вопросы эволюции кроя поликовой и ляточной одежды, поневы остаются недостаточно изученными.

Для исследователя древнего костюма знание этнографических описаний одежды чрезвычайно важно, поскольку именно оно позволяет заполнять лакуны, вызванные недостатком источников. Как правило, этнографические данные используются в археологических исследованиях костюма в двух вариантах. Первый — сравнительный анализ: найденные фрагменты или изображения средневековых одежд сопоставляются с образцами XIX — начала XX в., в результате чего исследователь получает более ясное представление о типе древней одежды. Это особенно важно, когда археологические остатки одежды фрагментированы — тогда этнографические данные позволяют уточнить, каков мог быть крой костюма или отдельные приемы его изготовления.

Второй вариант — использование одежды, описанной этнографами, как своеобразного “фона” для реконструкции древнего костюма, данные о котором практически отсутствуют, но есть представление об отдельных аксессуарах и месте их размещения. На этот “фон” накладываются украшения и застежки средневекового костюма, и делаются выводы о характере их ношения и принадлежности к определенному виду одежды. При этом наиболее часто привлекаемыми оказываются данные о крое вещей (напр., туникообразных и поликовых рубах, воротников-стоечек, косовороток, опястий или зарукавий), называемых в научной литературе архаичными, а также о манере ношения аксессуаров (ожерелий, поясов и т.п.). Примером могут служить и воссоздаваемые в музейной и реконструкторской практике костюмы, в которых часто используется описанный этнографами крой.

Юлия Владимировна Степанова | <http://orcid.org/0000-0002-3717-1589> | Stepanova.YV@tversu.ru | к.и.н., доцент | Тверской государственный университет (ул. Желябова 33, Тверь, 170100, Россия)

Еще во второй половине XIX в. этнографические памятники стали использоваться в исследованиях средневековых древностей Руси. Сравнительный анализ характеристик материальной и духовной культуры позволил сделать вывод о наличии преемственной связи между крестьянской культурой XVIII–XIX вв. и древнерусской культурой. Этот вывод прослеживается в трудах Д.Н. Анучина, Е.В. Барсова, Н.П. Кондакова, А.С. Уварова, И.Е. Забелина и других авторов. Этот вывод относится и к исследованиям древнерусского костюма. Так, В.С. Воронов предполагал, что корни позднейших этнографических данных можно найти в “раскопчном материале” (*Воронов* 1924: 21, 31). М.Г. Рабинович отмечал, как много дает исследование сопоставление древних материалов с поздними предметами одежды и народного искусства — вышивкой, резьбой и росписью (*Рабинович* 1986: 40). Проблеме археолого-этнографических параллелей в реконструкциях материальной культуры и общественных систем прошлого посвящен значительный объем научной литературы (см., напр., историографический обзор: *Кениг* 2010). В настоящей статье анализируется опыт сопоставления археологических и этнографических источников в изучении древнерусского костюма и накопленных к настоящему времени материалов, позволяющих конкретизировать или пересмотреть представления о взаимосвязи отдельных элементов русского костюма Средневековья и Нового времени.

В XX в. археологическая источниковая база значительно увеличилась. Появились новые, в т.ч. естественнонаучные, методы исследования, что позволило перейти к детальным сопоставлениям археологических и этнографических памятников. Проблемные аспекты, в частности эволюция поλικового и ляточного кроя, отдельных видов женского головного убора, использование женской набедренной одежды в Древней Руси, благодаря дополнительным источникам получили новую интерпретацию.

Сопоставление древнерусских археологических материалов с этнографическими позволило сделать ряд общих наблюдений. Прежде всего, исходя из тезиса о сходстве древних и поздних одежд, археологи стали использовать этнографические названия для обозначения древнерусских одежд (*Левинсон-Нечаева* 1959: 37; *Рыбаков* 1949: 37–38; *Рабинович* 1986: 42). Большую роль в проведении таких аналогий играют данные средневековых письменных источников XI–XVII вв., в частности, исследованиями археологами (*Левашова* 1966: 113, 115; *Рабинович* 1986: 40–62; *Брайчевская* 2001; *Брайчевская, Колединский* 2001: 265–267) широко использовался словарь И.И. Срезневского (*Срезневский* 1890–1912).

Проводились и параллели между образцами древнерусского текстиля и позднейшими крестьянскими тканями в сочетании с изучением и картографированием терминов, связанных с прядением и ткачеством (*Лебедева, Маслова* 1967: карты 43, 54, 55; *Рабинович* 1986: 42). На основании изучения переплетения и других особенностей курганных тканей М.Н. Левинсон-Нечаева сделала вывод об их изготовлении на горизонтальном ткацком станке (*Левинсон-Нечаева* 1959: 21). Она отметила, что многие приемы древнерусского ткачества сохранялись в крестьянском домашнем производстве до начала XX в., в частности элементы тканого геометрического орнамента (*Левинсон-Нечаева* 1959: 37).

Изучение этнографических данных позволило археологам высказать предположение, что фасоны мужской и женской древнерусской одежды и одежды XIX в. мало отличались (*Левашова* 1966: 118; *Седов* 1986: 38).

Источниковая база по древнерусскому костюму, сформированная прежде всего благодаря раскопкам погребальных памятников, позволила выявить функциональную роль и закономерности в расположении застежек и украшений древнерусского костюма и обратиться к проблеме его типологии; основанием для этого стали этнографические данные о семейно-возрастной структуре крестьянского общества и типологическое соответствие разных архаичных форм русской одежды и украшений

различным возрастным группам. Так, погребальный костюм мог отличаться от прижизненного (особый способ шитья, использование одежды архаичного кроя для погребения старух [Зеленин 1991: 346–347]; для незамужних девушек в качестве погребального мог использоваться свадебный убор).

Основываясь на типологии Н.П. Гринковой (Гринкова 1936: 21–34), М.А. Сабурова рассмотрела вопрос о зависимости женского погребального костюма от возраста и семейного статуса погребенных. Она констатировала, что и в древности для каждой возрастной группы (младенцы, совершеннолетние, просватанные, замужние до рождения первого ребенка, матери и бабки) был характерен определенный комплекс одежд, украшений и прически (Сабурова 1988: 267). Основываясь на этом утверждении, исследовательница интерпретировала костюм из женского погребения на Минском замчище как свадебный. Она отметила, что в основе типологии крестьянской одежды Нового времени лежит возрастной принцип. Соответственно, в древней погребальной одежде можно увидеть черты прижизненного костюма различных возрастных групп. М.А. Сабурова также сделала важное замечание о том, что “имущественные различия погребенных возможно устанавливать лишь путем сравнения погребальных инвентарей, принадлежащих к одной возрастной группе” (Сабурова 1988: 271).

Выделение возрастных комплексов погребального костюма на массовом материале раскопок погребальных памятников Верхневолжья конца X–XIII вв. подтвердило обоснованность применения этнографических данных в социально-возрастной типологии древнерусской одежды (Степанова 2009: 64–69). В то же время необходимо помнить, что в традиционном погребальном костюме мог отразиться не реализованный при жизни статус человека, в частности, это доказывают погребения детей с полными комплектами женских украшений (Павлова 2008: 130–131). Таким образом, перенос этнографических данных на археологический материал должен производиться с учетом специфики изучаемой группы древнего населения и закономерностей в выделении вещевых комплексов погребений.

Самым подробным образом как в этнографических, так и в археологических исследованиях рассматривался вопрос о времени появления отдельных видов одежды. Наиболее архаичными считаются туникообразная рубаха и понева (Беловинский 1997: 10, 11); к устойчивым элементам причисляются поликовая женская рубаха, прямой и косой разрез ворота мужской рубахи, браная техника тканья, лапти (Рабинович 1986: 62).

Чаще всего предметом археолого-этнографических исследований становилась русская рубаха, ее эволюция и типы кроя. Сходство в общем облике древних славянских и относящихся к Новому времени рубах неоднократно выявлялось на самом широком материале. Наиболее детально этот вопрос освещался в трудах этнографов, прежде всего Б.А. Куфтина, Н.И. Лебедевой и Г.С. Масловой.

Б.А. Куфтин исследовал происхождение поликового кроя. Он считал, что поликовые рубахи генетически связаны с лямошной одеждой, а полики заменили застежки (Куфтин 1926: 23–24). Он выделил типы поликовой рубахи (которые он считал наиболее архаичными), в т.ч. промежуточные между туникообразным и поликовым кроем (Там же: 31–32).

Н.И. Лебедева и Г.С. Маслова, принимая во внимание то, что поликовая рубаха известна и западным славянам, вслед Б.А. Куфтиным предположили, что она имеет древнее происхождение. Они развили этот тезис, высказав гипотезу, что туникообразная рубаха и рубаха с плечевыми вставками бытовали одновременно в период формирования древнерусской народности (Лебедева, Маслова 1967: 193–267). На основе картографирования различных видов одежды Н.И. Лебедева и Г.С. Маслова наметили основные области формирования комплексов костюма XIX — начала XX в. Рассматривая три разновидности поликовых рубах (с прямыми поликами,

пришитыми по утку; с прямыми поликами, пришитыми по основе; с косыми поликами), исследовательницы связали их с древними группами населения. Рубаха с прямыми поликами, пришитыми по утку, названа ими северо-западным типом, связанным с ильменской новгородской группой населения; с косыми поликами — окской или вятичской; с прямыми поликами, пришитыми по основе, — днепровской. Последняя, по мнению Н.И. Лебедевой и Г.С. Масловой, является древнейшей разновидностью (*Лебедева, Маслова* 1967: 204–205). Вывод этнографов об архаичности поликовых рубах был принят археологами, исследовавшими древнюю одежду (*Рабинович* 1986: 62).

В последние годы новые археологические находки позволили привести некоторые доказательства в пользу этого тезиса, наполнив представления об эволюции поликовой рубахи конкретными данными. В ходе раскопок в Пскове и в Гнездовском археологическом комплексе были выявлены остатки одежды, имеющей поликовый крой (*Зубкова, Орфинская* 2007: 56–75; *Орфинская* 2014: 257–264): это рубахи с длинными рукавами со стяжкой по вороту. Обе находки связаны со скандинавским населением Древней Руси.

Отсутствие данных об использовании поликового кроя в позднесредневековой одежде было восполнено находками в захоронениях княгинь в Вознесенском монастыре Московского кремля. Это платья княжны Евдокии Старицкой (ум. в 1569 г.), царицы Марии Владимировны Долгорукой, первой жены Михаила Федоровича Романова (ум. в 1625 г.), и царевны Анны Алексеевны Романовой (ум. в 1659 г.). Однако платья отличаются как от древнерусских, так и от описанных этнографами образцов. Это одежды туникообразного кроя и полики, врезанные в стан (*Орфинская, Степанова* 2013: 116–120). Аналогичный крой рубах фиксируется в этнографическом материале XIX–XX вв. (*Куфтин* 1926: 41). Такой покрой платьев XVI–XVII вв. представляется промежуточным вариантом между туникообразным и поликовым.

Таким образом, единичные находки домонгольского периода доказывают существование поликовой одежды на территории Древней Руси, но не позволяют судить о характере ее использования и широте распространения. Открытым остается и вопрос о видах и распространенности поликовой одежды в эпоху позднего Средневековья. По-прежнему слабо прослеживается преемственность между конкретными вариантами поликового кроя: полики, врезанные в стан, встречаются в материалах XVI–XX вв., тогда как прямые полики, характерные для одежды, описанной этнографами, выявлены лишь в материалах X в. Предположительно, поликовый крой женской одежды был связан с распространением горизонтального ткацкого стана. В женской рубахе полики расширяли плечевой пояс при узком ткацком куске, тогда как в мужской одежде туникообразный крой превалировал вплоть до XX в. (*Орфинская, Степанова* 2013: 119–120). Возможно, различные варианты поликового кроя могли сосуществовать в средневековом костюме и развиваться как самостоятельные разновидности в одежде разного назначения и разных социальных групп.

Помимо сопоставлений общего кроя древнерусской и русской традиционной одежды XIX — начала XX в. достаточно часто предметом исследования становились отдельные его элементы, в частности покроем ворота и рукавов. В настоящее время накоплен большой объем археологических находок воротничков древнерусской одежды из городских и сельских некрополей (*Сабурова, Елкина* 1991: 53–77; *Фехнер* 1993: 3–21; *Энговатова и др.* 2005: 176–195), а также из кладовых комплексов (об этих находках см.: *Жилина* 2014). Конструкция воротничков, их материал и орнаментация стали предметом специальных публикаций археологов (*Сабурова* 1976а: 226–230, 2012: 150–158; *Сабурова, Елкина* 1991: 53–77). М.А. Сабурова, сопоставляя археологический и этнографический материалы, пришла к выводу, что воротничковая стойка, оформлявший небольшой разрез по горловине, с застежкой на пуговицы — устойчивая деталь восточнославянской одежды (*Сабурова* 1976а: 228–230). При этом

она отметила, что конструкция воротников-стоек женской и мужской одежды была сходной.

Археологические материалы позволили также подтвердить древнее происхождение рубах с косым разрезом по горловине. Д.К. Зеленин, не имея достоверных данных, предположил, что косоворотка — более поздний вариант в сравнении с одеждой с прямым разрезом ворота, но в то же время отметил, что “московская мода на косоворотки могла быть подражанием старому типу восточнославянской рубахи” (Зеленин 1991: 224–225). Однако археологические находки воротников с боковым расположением застежки показали, что косой разрез ворота уже в древности использовался наряду с прямым (Рабинович 1986: 62; Сабурова 1997: 100).

Внимание привлекали и другие элементы оформления ворота древних рубах. В частности, Б.А. Рыбаков, рассматривая литые фигурки человека из Мартыновского клада, отметил сходство одежды на них с мужскими рубахами, которые носили в южновеликорусских, белорусских и украинских селах до начала XX в. (Рыбаков 1953: 76–79). Рубахи на фигурках очерчены схематично, однако основанием для выявления сходства стала широкая прямоугольная вставка в нагрудной части. Известны изображения таких нагрудников на древнерусской одежде, относящиеся к XII–XIII вв., а также археологические находки подобных деталей, в частности происходящие из могильников Московской, Ивановской, Ярославской областей (Сабурова 1997: 100–101, 313, табл. 67 [рис. 4, 5]). Мужские рубахи XIX в. имеют похожие вышитые нагрудники, примыкающие к разрезу ворота.

Наиболее очевидной является взаимосвязь между разновидностями средневековой и описанной этнографами одежды с удлиненными рукавами. Изобразительные источники XII–XVII вв. свидетельствуют о ритуальном или праздничном значении этой одежды (танцующие девушки на браслетах-наручах XII–XIII вв.; персонажи в сценах игрища скоморохов, пира, погребения на миниатюрах Радзивилловской летописи). Археологические находки платьев XV–XVII вв. с удлиненными рукавами, собранными в складки, позволили получить наглядное представление об их крое и способах ношения (Орфинская 2009: 197–198, 2015: 53–60). Одежда с длинными рукавами зафиксирована в народном костюме Пензенской, Курской и других губерний России XIX в., она также могла использоваться как ритуальная или праздничная (Шпилев 2011: 161–167). Для функциональной интерпретации длиннорукавной одежды привлекались фольклорные данные (Рабинович 1986: 44).

Таким образом, к настоящему времени благодаря археологическим изысканиям получены серьезные доказательства древности отдельных элементов кроя русской традиционной рубахи. В то же время тезис Н.И. Лебедевой и Г.С. Масловой о территориальном формировании вариантов поликового кроя в древнерусский период пока не находит достаточных подтверждений в силу малого количества археологических материалов.

Другим предметом активного археолого-этнографического исследования стал древнерусский женский головной убор. Весьма многочисленные археологические находки не только органических остатков, но и украшений из металла, стекла, камня предоставляют широкие возможности для сопоставления его с вариантами русских головных уборов XVIII — начала XX в.

В основе изучения и реконструкций древнего головного убора лежат представления об обряде закрывания волос у женщин и существовании определенных типов головных уборов у разных возрастных групп, о чем свидетельствуют этнографические данные. Б.А. Рыбаков, исследуя возрастные различия, отраженные в погребальных головных уборах, найденных в черниговских курганах X–XI вв., прибегнул к этнографическим аналогиям с костюмом славянских народов, в частности населения Далмации. Возрастные группы женщин были прослежены им по типам серег (Рыбаков 1949: 21).

В специальной работе М.А. Сабуровой костюм женщины из погребения в Минске, включающий сложный головной убор в виде венца из искусственной косы и живых цветов барвинка, был интерпретирован как свадебный (*Сабурова* 1988: 269–270), а позднее — как свадебный погребальный убор княжны (*Лавыш, Барвенова* 2012: 136–141).

Исходя из существующих в этнографии представлений о зависимости женского головного убора от семейно-возрастного статуса женщины проводились конкретные сопоставления археологических данных с этнографическими и реконструкция на материалах конкретных погребений.

Головные уборы типа простой ленты или венчика чаще всего рассматривались в археологических исследованиях как девичьи (*Сабурова* 1974: 85–97; *Седов* 1994: 116–118). М.А. Сабурова сделала важные выводы о конструкции женского древнерусского головного убора, сравнив его с убором XIX в. Она выделила элементы головных уборов на основании находок в древнерусских погребальных памятниках — жесткую основу, чаще всего из бересты, ленты, на которые крепились височные кольца, украшенные очелья, головное покрывало, — констатировав многосоставность древнерусского головного убора, также как и убора, описанного этнографами, включающего налобник, позатыльник, сороку и т.д. (*Сабурова* 1974: 85–97, 1975: 18–22, 1976б: 127–132, 2008: 209–213). Сходство древнерусских уборов с кокошниками позднего времени неоднократно отмечалось археологами. Так, на основе находок Мартыновскогоклада Б.А. Рыбаков реконструировал головной убор, близкий по облику русским кокошникам XVIII–XIX вв. (*Рыбаков* 1953: 82–83). По материалам погребения в могильнике Суходол (Холмово, Тверская обл.) авторы раскопок реконструировали головной убор типа кокошника с возвышающейся надо лбом передней частью (*Дашкова и др.* 1993: 125, рис. 13 [6]), фронтальная часть которого была выполнена из бронзовой фигурной пластины.

Новые археологические находки в кургане Холмы (Московская обл.) дали основание для проведения параллелей между формой позднесредневекового и описанного этнографами женских головных уборов. Правда, сравниваются общие контуры археологически выявленной формы прически, включающей скрученные на висках и темени косы, и конструкция кичкообразного головного убора в сочетании с кистевидными височными украшениями (*Орфинская* 2011: 412–421).

Параллели между височными украшениями и подвесками древнерусских головных уборов и поднизей из металла с наушницами и височными украшениями славянских и русских головных уборов позволили сделать предположение о том, что постепенно произошла замена металлических частей — височных колец, рясен, рясенных цепей — декоративными элементами кокошников с вышивкой, бахромой, украшениями из жемчуга, бисера, пуха и перьев. В частности, в сербском костюме XIX в. сохранилось сложное височное украшение, подобное комплексу височных украшений из древнерусских кладов (*Жилина* 2007: 219). Некоторые элементы головных уборов практически в неизменном виде присутствуют как в древних, так и в более поздних их вариантах, в частности бахрома, остатки которой найдены в некоторых погребальных комплексах вятичей и кривичей. Так, в могильнике Каргашино была обнаружена бахрома из шерстяных нитей синего и красного цвета, скрученных по 3 шт., ее длина достигала 20 см (*Сабурова* 1976б: 127–132). Похожая бахрома присутствует в головных уборах XIX в. Калужской, Тульской, Тамбовской и Рязанской губерний (*Соснина, Шангина* 1998: 173; *Беловинский* 1997: 14–15).

Таким образом, выявляется взаимосвязь между головными уборами эпохи Средневековья и XVIII–XIX вв., однако путь эволюционного развития этого элемента русского женского костюма намечен лишь в самом общем виде. Процесс складывания огромного количества конкретных форм и декора головных уборов Нового времени остается неизученным в связи с недостаточным количеством источников.

Дальнейшие исследования эволюции их форм, по-видимому, должны основываться на более детальном изучении археологических и этнографических материалов с привлечением изобразительных источников. В качестве примера можно привести формы полотнятых уборов, присутствующих у восточных славян XV–XVII вв. Разнообразные способы их укладки демонстрируют как этнографические материалы, так и изобразительные источники, например книжные миниатюры (Изборник Святослава, Радзивилловская летопись) и зарисовки иностранных путешественников. Однако археологические материалы пока позволяют изучить лишь материал женских убрсов и приемы их декорирования (напр., бусами) (Сабурова 1974: 89, рис. 3; Дучыц 2005: 16–17). В интерпретациях способов ношения древнерусских полотнятых уборов исследователи ограничены фрагментарностью материала. Определенные результаты здесь может дать изучение взаимного расположения в древнерусских погребениях металлических украшений, тканей и остатков текстиля различной выработки.

Другим аспектом археологических исследований древнерусского женского головного убора стало изучение территориального распространения его вариантов. Так, М.Г. Рабинович проследил три типа убрсов, существовавших в русском традиционном костюме в древнерусское время: кокошник был зафиксирован на Севере, а кичкообразный убор — в Рязанской и Черниговской землях, что соответствует и этнографическим данным (Рабинович 1986: 48). В то же время очевидно, что материала для однозначных выводов пока недостаточно. В настоящее время обнаружены на разных территориях археологические остатки головных убрсов, отличающихся по форме; отличия есть и между городскими и сельскими уборами. Следует принимать во внимание и то, что выделение типов должно проводиться внутри возрастных групп.

Археолого-этнографические параллели в размещении различных вариантов проводились и в рамках изучения поневы. Предположение о ее древнем происхождении высказал Д.К. Зеленин, обративший внимание на наличие термина “понева” в языках разных славянских народов и идентичность основных признаков этого типа одежды. Различные варианты поневы, по его мнению, отражают различные стадии ее развития (Зеленин 1991: 235).

Вслед за Д.К. Зелениным и другие исследователи — Б.А. Куфтин, Н.И. Лебедева, Г.С. Маслова — признали поневу одной из древнейших одежд, в своей основе уходящей корнями к “древнему племенному быту”. Н.И. Лебедева и Г.С. Маслова картографировали поневы XIX в. различных цветовых сочетаний, они выявили компактные ареалы некоторых разновидностей и связали их с восточнославянскими племенами, занимавшими эти территории в древнерусский период. Так, синяя клетчатая понева, сохранившаяся в Рязанской, Орловской, Тамбовской, Калужской губерниях, связывается с вятичами, а сохранившаяся западнее понева в красную клетку — с радимичами (Лебедева, Маслова 1967: 206–209). Этому же мнения придерживался М.Г. Рабинович (Рабинович 1986: 55).

Археологические подтверждения древности поневы основываются на находках тканей сходного типа — прежде всего клетчатых — в древнерусских погребениях в соответствующей зоне (в области пояса и ног). Н.М. Левинсон-Нечаева сравнила “ажурные” (т.е. клетчатые с несохранившимися клетками) древнерусские ткани с поневными, применявшимися в народной одежде до XX в. (Левинсон-Нечаева 1959: 26). Соответственно, археологические находки клетчатых тканей в научной литературе часто называются “понежными тканями”, хотя из них изготавливались не только поневы, но и головные покрывала. Сохранились и древние изображения этой одежды. М.Г. Рабинович предположил, что с середины или конца XIV в. понева вытесняется сарафаном, прежде всего из городской среды (Рабинович 1986: 68). История развития позднесредневековой поневы остается слабо исследованной.

В настоящее время поневные ткани обнаружены в могильниках Верхневолжья (Степанова 2009: 55), на территории Смоленской, Калужской, Владимирской (Левинсон-Нечаева 1959: 25), Московской (Левинсон-Нечаева 1959: 25; Зоц Е.П., Зоц С.А. 2012: 66–75), Курской (Климова 2012: 300–304) областей, в культурном слое Новгорода (Савенкова 2015: 150–155), возможно — Вязьмы (Елкина 2008: 284–298). Имеются находки клетчатых тканей в финно-угорских могильниках I и II тыс. н.э. (Ефимова 1966: 127–134; Павлова 2015: 20–21). В то же время их нет в курганах Приладожья, где относительно хорошо сохранились остатки текстиля (Кочкуркина, Орфинская 2014). Степень исследования фрагментов различна; в ряде случаев установлен цвет ткани. Однако подтвердить или опровергнуть тезис этнографов о соответствии поневы определенного цвета населению конкретной территории пока не представляется возможным. Кроме того, конструкция древнерусской поневы остается неизученной. Не найдено остатков, свидетельствующих об их крое. Имеются реконструкции, на которых представлены элементы декора понев (Сабурова 1997: 322, табл. 76), но говорить о существовании различных вариантов кроя древнерусской поневы также пока не представляется возможным.

Наиболее спорным для исследователей костюма (и для этнографов, и для археологов) стал вопрос о формировании и эволюции ляточной женской одежды. С одной стороны, время появления термина “сарафан” (XIV в.) и отсутствие непосредственных находок ляточной одежды свидетельствуют об относительно позднем его возникновении. Тем не менее существование этого типа одежды в costume народов Прибалтики, участвовавших в формировании древнерусского этноса, дало основание предположить древнее происхождение сарафана. По мнению Б.А. Куфтина, сарафан мог появиться либо из поневы, получившей лиф и лямки, либо из наплечной одежды без рукавов. Процесс его создания проходил под влиянием южно- и западнославянских, летто-литовских, финно-угорских, скандинавских и западноевропейских народов (Куфтин 1926: 113, 117). Исследователь выделил типы этого вида женской одежды, генетически не связанные друг с другом; древнейшим он считал глухой туникообразный сарафан. На западе этот тип мог распространиться под влиянием прибалтийско-финских народов. Наиболее распространенный сарафан — юбку на лямках — Б.А. Куфтин связывал с североевропейской одеждой и предполагал ее древнее происхождение на Северо-Западе Руси. Распашной же вариант Б.А. Куфтин соотносил с более поздними формами мужской одежды типа ферязи, кафтана. Н.И. Лебедева и Г.С. Маслова вслед за Б.А. Куфтиным считали глухой туникообразный сарафан древнейшим и связывали его с прибалтийско-финским населением (Лебедева, Маслова 1966: 199–201).

Позднее М.Г. Рабинович отметил, что ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу невозможно, т.к. не найдено подлинных вещей или достоверных изображений (Рабинович 1986: 68). Этот вывод остается актуальным и в настоящее время, хотя некоторые новые данные, полученные на основе изучения погребальных памятников, скорее свидетельствуют в пользу существования ляточной одежды в древнерусский период. В одном из погребений Прионежья найдены парные подковообразные фибулы, позволившие сделать предположение об одежде ляточного типа с застежками на плечах (Макаров 1990: 87, рис. 5). Парные плечевые и нагрудные застежки характерны для средневекового скандинавского (Hägg 1986) и прибалтийско-финского (Хвоцинская 2004) костюма. На остальной территории Древней Руси такие застежки не встречаются, однако имеются примеры симметричных украшений в области плеч. На территории Верхневолжья выявлена серия погребений — могильники Большая Коша, Рогово, Глинники, где в качестве парных украшений выступают связки бубенчиков на кольцах (Степанова 2009: 56). Логично предположить, что симметричные украшения маркировали элементы кроя в области плеч, возможно, лямки. Другим косвенным доказательством существования

одежды с широким вырезом горловины типа глухого сарафана могут быть украшения, указывающие на линию выреза или декора в нагрудной части. Такие находки обнаружены в погребениях могильников Глинники, Устье, Большая Коша в Верхневолжье. Однако приведенные археологические материалы не содержат данных о покрое ляточной одежды.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее четко взаимосвязь древнего и описанного этнографами русского костюма выявлена в формах головного убора и в использовании в нем височных и иных украшений. Обнаруживается и существование рубахи пологового кроя в Древней Руси, однако эволюцию и пути развития этого типа одежды пока проследить не удастся. Автору настоящей статьи наиболее вероятным представляется одновременное существование разновидностей пологовых рубах в Средневековье, включая прямые полики и полики, врезанные в стан. Очевидной сходной деталью в средневековом костюме и костюме более позднего времени являются удлиненные рукава.

Набедренная одежда типа поневы демонстрирует сходство прежде всего в видах тканей, использовавшихся для его изготовления. Так, доказательством существования поневной одежды в древнерусский период являются находки фрагментов ткани в клетку в нижней части погребений. Однако данных о ее крое до сих пор нет. Плохо изучен и вопрос о поневах в костюме XIV–XVII вв., т.к. материалы погребальных памятников отсутствуют, а городские находки трудно интерпретировать однозначно. Таким образом, заполнить лауну в отношении позднесредневековой поневы пока не удается.

В целом благодаря накоплению источниковой базы археологические исследования значительно продвинулись в изучении древнерусского костюма, подтверждая сделанные этнографами выводы о древности отдельных типов одежд и внося уточнения в представления об их разнообразии и путях развития.

Научная литература

- Беловинский Л.В.* Типология русского народного костюма. М.: Родник, 1997.
- Брайчевская Е.А., Колединский Л.В.* Древнерусская мужская свита. Уникальная находка XII–XIII вв. из Витебска // Матэрыялы па археологіі Беларусі. 2001. № 3. С. 265–267.
- Брайчевська О.А.* Одяг // Історія української культури. Т. 1 / Отв. ред. П.П. Толочко. Київ: Наукова думка, 2001.
- Воронов В.С.* Крестьянское искусство. М.: Гос. изд-во, 1924.
- Гринкова Н.Я.* Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту // Советская этнография. 1936. № 2. С. 21–34.
- Дашкова И.А., Дворников А.С., Хохлов А.Н.* Предварительные итоги исследования комплекса древнерусских памятников у деревень Холмово–Суходол в 1985–1987 годах // Археологические исследования в Верхневолжье / Отв. ред. Ф.Х. Арсланова. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1993. С. 89–142.
- Дуцьц Л.В.* Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст. (паводле археал. звестак). Минск: Беларуская навука, 2005.
- Елкина И.И.* Текстиль из археологических раскопок Вязьмы // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 23 (53). М.: ИА РАН, 2008. С. 284–298.
- Ефимова Л.В.* Ткани из финно-угорских могильников 1 тыс. н.э. // Краткие сообщения Института археологии. 1966. Вып. 107. С. 127–134.
- Жилина Н.В.* Косы и усерязи тверской боярыни // Тверской археологический сборник. 2007. Вып. 8. Т. II. С. 219–227.
- Жилина Н.В.* Древнерусскиеклады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Либроком, 2014.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
- Зоц Е.П., Зоц С.А.* Женский костюм и его детали по материалам курганного могильника Новоселки 2 // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое

- время. Вып. 2 / Ред. Н.В. Жилина, Ю.В. Степанова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 66–75.
- Зубкова Е.П., Орфинская О.В.* Предварительные итоги исследования текстиля из погребения № 3 Старовознесенского IV раскопа в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 22 (52). М.: ИА РАН, 2007. С. 56–75.
- Кениг А.В.* Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во АМБ, 2010.
- Климова Т.А.* Фрагменты текстиля из Гочевского курганного некрополя (раскопки П.С. Рыкова, В.С. Львовича и В.Н. Глазова) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. Вып. 4/1 (76). С. 300–304.
- Кочуркина С.И., Орфинская О.В.* Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014.
- Куфтин Б.А.* Материальная культура русской мешеры. Ч. 1: рубаха, понева, сарафан // Труды Государственного музея Центрально-Промышленной области. 1926. Вып. 3.
- Лавыш К.А., Барвенова А.А.* Погребение в Минском храме: погребение княжны? Попытка реконструкции костюма // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Вып. 2 / Ред. Н.В. Жилина, Ю.В. Степанова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 136–141.
- Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX — начало XX века / Гл. ред. С.П. Толстов. М.: Наука, 1967. С. 193–267.
- Левашова В.П.* Об одежде сельского населения Древней Руси // Археологический сборник. Труды ГИМ. 1966. Вып. 40. С. 112–119.
- Левинсон-Нечаева М.Н.* Ткачество // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. 1959. Вып. 33. С. 9–37.
- Макаров Н.А.* Население русского Севера в XI–XIII вв.: по материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука, 1990.
- Орфинская О.В.* Методы исследования тканей и реконструкция одежды // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений / Отв. ред. Т.Д. Панова. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”, 2009. С. 195–212.
- Орфинская О.В.* Исследования органических материалов из двух захоронений кургана “Холмы” // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2011. Вып. 7. С. 412–421.
- Орфинская О.В.* Льняное платье X века из погребения Ц-301 могильника Гнёздово // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 257–164.
- Орфинская О.В.* Рубаха с длинными рукавами из культурного слоя XV в. на территории Московского Кремля // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время / Ред. Н.В. Жилина, Ю.В. Степанова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 53–59.
- Орфинская О.В., Степанова Ю.В.* К вопросу о формировании русской традиционной одежды с поликами // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 114–122.
- Павлова М.С.* Женский костюм и структура традиционного общества: опыт построения модели // Исследование археологических памятников эпохи средневековья / Отв. ред. А.В. Виноградов. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 103–138.
- Павлова Н.П.* Текстильные изделия в погребениях поволжских финнов II тысячелетия н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. МГУ, Москва, 2015.
- Рабинович М.Г.* Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 40–61.
- Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии. 1949. № 11. С. 7–99.
- Рыбаков Б.А.* Древние русы // Советская археология. 1953. Вып. XVII. С. 23–104.
- Сабурова М.А.* Женские головные уборы у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // Советская археология. 1974. № 2. С. 85–97.
- Сабурова М.А.* О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // Краткие сообщения Института археологии. 1975. Вып. 144. С. 18–22.

- Сабурова М.А.* Стоячие воротники и “ожерелки” в древнерусской одежде // Средневековая Русь / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.: Наука, 1976а. С. 226–230.
- Сабурова М.А.* Шерстяные уборы с бахромой из курганов вятичей // Советская этнография. 1976б. № 3. С. 127–132.
- Сабурова М.А.* Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1997. С. 93–109.
- Сабурова М.А.* Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б.А. Тимошук. М.: Наука, 1988. С. 266–272.
- Сабурова М.А.* Вариант реконструкции женского головного убора по материалам погребений Гочевского могильника // Краткие сообщения Института археологии. 2008. Вып. 222. С. 209–213.
- Сабурова М.А.* Находки деталей одежды в Суздальской земле и их значение для изучения истории формирования русского национального костюма // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Вып. 2 / Ред. Н.В. Жилина, Ю.В. Степанова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 151–154.
- Сабурова М.А., Елкина А.К.* Детали древнерусской одежды по материалам некрополя Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Отв. ред. М.В. Седова. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 53–77.
- Савенкова М.М.* Поневы из средневекового Новгорода (по материалам археологических раскопок) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59). Ч. 1. С. 150–155.
- Седов В.В.* Одежда восточных славян VI–IX вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 30–39.
- Седов В.В.* Очерки по археологии славян. М.: ИА РАН, 1994.
- Соснина Н., Шангина И.* Русский традиционный костюм. Энциклопедия. СПб.: Искусство, 1998.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1890–1912.
- Степанова Ю.В.* Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009.
- Фехнер М.В.* Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании ГИМ // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 82. М.: Издательский центр ГИМ, 1993. С. 3–21.
- Хвоцинская Н.В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовы). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
- Шпилев А.Г.* Этнографические параллели к костюму танцующей девушки на браслетах XII в. из ГИМа // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время / Ред. Н.В. Жилина, Ю.В. Степанова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 161–167.
- Энговатова А.В., Орфинская О.В., Голиков В.П.* Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 176–196.
- Hägg I.* Die Tracht // Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1986.

Research Article

Stepanova, Yu.V. The Comparison of the Archaeological and Ethnographic Sources Used in Studying the Old Russian Costume in Works by Russian Archaeologists [Sopostavlenie arkhеologicheskikh i etnograficheskikh istochnikov v izuchenii drevnerusskogo kostiuma v trudakh otechestvennykh arkhеologov]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 1, pp. 134–148. <https://doi.org/10.31857/S086954150004185-3> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Yuliia V. Stepanova | <https://orcid.org/0000-0002-3717-1589> | Stepanova.YV@tversu.ru | Tver State University (33 Zhelyabova St, Tver, 170100, Russia)

Keywords

costume, cloth, archaeological sources, ethnographic sources, Old Russia, Kievan Rus, cut, sarafan, poneva, shirt

Abstract

The article discusses the issue of interrelation between the old costume of Kievan Rus and the later Russian traditional costume of the 19th — early 20th centuries as it stood in works by archeologists and ethnographers. The assumption that some of the dress codes of the costume of the latter times could be traced back to antiquity made it possible to apply ethnographic materials in reconstructing the costume of Kievan Rus and studying its typological features. Archaeological-ethnographic research in most cases focused on the cut of a shirt, female headdress, and *poneva*, a type of traditional skirt. Indeed, there are parallels and similarities between the forms of female headdresses, shirts, and their elements as described by archaeologists and ethnographers. At the same time, the evolution of the cloth with straps and *poneva* has not been conclusively or sufficiently studied to date.

References

- Belovinskii, L.V. 1997. *Tipologiiia russkogo narodnogo kostiuma* [The Typology of Russian Folk Costume]. Moscow: Rodnik.
- Braichevs'ka, O.A. 2001. Odiag [Cloth]. In *Istoriia ukrains'koï kul'turi* [The History of Ukrainian Culture], edited by P.P. Tolochko. Kii: Naukova dumka.
- Braichevskaia, E.A., and L.V. Koledinskii. 2001. Drevnerusskaia muzhskaia svita. Unikal'naia nakhodka XII–XIII vv. iz Vitebska [Old Russian Male Svita: A Unique Finding of the 12th–13th Centuries from Vitebsk]. *Materyialy pa arkheologii Belarusi* 3: 265–267.
- Dashkova, I.A., A.S. Dvornikov, and A.N. Khokhlov. 1993. Predvaritel'nye itogi issledovaniia kompleksa drevnerusskikh pamiatnikov u dereven' Kholmovo-Sukhodol v 1985–1987 godakh [The Preliminary Results of the Investigation of the Old Russian Archaeological Site Neat the Kholmovo-Sukhodol Village in 1985–1987]. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Verkhnevolzh'e* [Archaeological Researches in Upper Volga Basin], edited by F. Kh. Arslanova, 89–142. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
- Duchyts, L.V. 2005. *Kastsium zhykharoŭ Belarusi X–XIII stst. (pavodle arkheal. Zvestak)* [The Costume of the Population of Belarus of the 11th–13th Centuries (by Archaeological Data)]. Minsk: Belorusskaia navuka.
- Efimova, L.V. 1966. Tkani iz finno-ugorskikh mogil'nikov 1 tys.n.e. [Fabrics from the Finno-Ugrian Burials of the 1st Millennium A.D.]. *Kratkie soobscheniia Instituta arkheologii* 107: 127–134.
- Elkina, I.I. 2008. Tekstil' iz arkheologicheskikh raspokop Viaz'my [The Textiles from the Archaeological Excavations in Viaz'ma]. *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli* 23 (53): 284–298.
- Engovatova, A.V., O.V. Orfinskaia, and V.P. Golikov. 2005. Issledovanie zolototkanykh tekstil'nykh izdelii iz nekropolei Dmitrovskogo kremlia [The Investigation of the Textile Objects with Golden Threads from the Necropolis of the Ancient Dmitrov Kremlin]. In *Rus' v IX–XIV vekakh: vzaimodeistvie Severa i Yuga* [Rus' in the 11th–14th Centuries: Interaction of the North and South], edited by N.A. Makarov and A.V. Chernetsov, 176–196. Moscow: Nauka.
- Fekhner, M.V. 1993. Drevnerusskoe zolotnoe shit'e X–XIII vv. v sobranii GIM [Old Russian Golden Threads Sewing in the State Historical Museum Collection]. In *Srednevekoye drevnosti Vostochnoi Evropy* [The Medieval Antiquities of the Eastern Europe], 82: 3–21. Moscow: Izdatel'skii tsentr GIM.
- Grinkova, N. Ya. 1936. Rodovye perezhitki, sviazannye s razdeleniem po polu i vozrastu [The Patri-monial Remnants Connected with the Division According to Gender and Age]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 21–34.
- Hägg, I. 1986. *Die Tracht. Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde* [The Costume: Birka II: 2. Systematic Analysis of the Burial Finds]. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Kenig, A.V. 2010. *Ethnoarcheologia kak metod archeologicheskikh rekonstruktsii (na primere tazovskikh sel'kupov)* [Ethnography as a Method of Archaeological Reconstruction (by Materials of Selkups of Taz Basin)]. Ekaterinburg; Khanty-Mansiisk: Izdatel'stvo AMB.
- Khvoschinskaia, N.V. 2004. *Finnny na zapade Novgorodskoi zemli (po materialam mogil'nika Zalakhtov'e)* [The Finns in the West of the Novgorod Land (by Materials of Zalakhtov'e Necropolis)]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.

- Klimova, T.A. 2012. Fragmenty tekstilia iz Gochevskogo kurgannogo nekropolia (raskopki P.S. Rykova, V.S. L'vovicha i V.N. Glazova) [The Textiles Fragments from the Burial Mounds of Gochevo (Excavations by P.S. Rykov, V.S. Lvovich and V.N. Glazov)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii. Politologii* 4/1 (76): 300–304.
- Kochkurkina, S.I., and O.V. Orfinskaia. 2014. *Priladozhskaia kurgannaia kul'tura: tekhnologicheskoe issledovanie tekstilia* [The Culture of the Burial Mounds of Priladozh'e: Technological Textiles Research]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Kuftin, B.A. 1926. Material'naiia kul'tura russkoi meshchery. Ch. 1: rubakha, poneva, sarafan [The Material Culture of the Russian Meshchera. P. 1: Rubakha, Poneva, Sarafan]. *Trudy Gosudarstvennogo muzeia Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti* 3.
- Lavysh, K.A., and A.A. Barvenova. 2011. Pogrebenie v Minskom khrame: pogrebenie kniazhny? Popytka rekonstruktsii kostiuma [The Burial in the Minsk Temple: The Burial of a Princess? The Attempt of the Costume Reconstruction]. In *Zhenskaia traditsionnaia kul'tura i kostium v epokhu Srednevekov'ia i Novoe vremia* [The Female Traditional Culture and Costume during the Middle Ages and Modern Times], edited by N.V. Zhilina and Yu.V. Stepanova, 136–141. Moscow; St. Petersburg: Al'ians-Arkheo.
- Lebedeva, N.I., and G.S. Maslova. 1967. Russkaia krest'ianskaia odezhda XIX — nachala XX v [The Russian Peasant Cloth of 19th — Early 20th Century]. In *Russkie. Istoriko-etnograficheskii atlas. Zemledelie. Krest'ianskoe zhilishche* [Russians: The Historical and Ethnographical Atlas], edited by P.I. Kushner, 193–267. Moscow: Nauka.
- Levashova, V.P. 1966. Ob odezhde sel'skogo naseleniia Drevnei Rusi [About the Cloth of Rural Population of the Old Rus']. *Arkheologicheskii sbornik. Trudy GIM* 40: 112–119.
- Levinson-Nechaeva, M.N. 1959. Tkachestvo [The Weaving]. *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. Trudy GIM* 33: 9–37.
- Makarov, N.A. 1990. *Naselenie russkogo Severa v XI–XIII vv. po materialam mogil'nikov Vostochnogo Prionezhya* [The Population of the Russian North of 11th–13th Centuries: By Materials of the Burial Sites of Eastern Onega]. Moscow: Nauka.
- Orfinskaia, O.V. 2009. Metody issledovaniia tkanei i rekonstruktsiia odezhdy [Methods for the Study of Textiles and Costume Reconstruction]. In *Nekropol' russkikh velikikh kniazhen i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo kremlia* [The Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens in Voznesensky Monastery of the Moscow Kremlin], edited by T.D. Panova, 1: 195–212. Moscow: Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Kremli".
- Orfinskaia, O.V. 2011. Issledovaniia organicheskikh materialov iz dvukh zakhoronenii kurgana "Kholmny" [The Researches of Organic Materials from Two Burials of a Barrow "Hills"]. *Archeologiiia Podmoskov'ia* 7: 412–421.
- Orfinskaia, O.V. 2014. L'nyanoe plat'ie X veka iz pogrebeniia Ts-301 mogil'nika Gnezdovo [The Linen Dress of the 10th Century from the Burial of the Ts-301 of Gnezdovo Cemetery]. *Archeologiiia Podmoskov'ia* 10: 257–164. Moscow: IEA RAN.
- Orfinskaia, O.V. 2015. Rubakha s dlinnymi rukavami iz kul'turnogo sloia XV v. na territorii Moskovskogo Kremlia [The Shirt with Long Sleeves from the Cultural Layer of 15th Century of Moscow Kremlin Territory]. In *Zhenskaia traditsionnaia kul'tura i kostium v epokhu Srednevekov'ia i Novoe vremia* [The Female Traditional Culture and Costume during the Middle Ages and Modern Times], edited by N.V. Zhilina and Yu.V. Stepanova, 3: 53–59. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
- Orfinskaia, O.V., and Yu.V. Stepanova. 2013. K voprosu o formirovanii russkoi traditsionnoi odezhdy s polikami [To the Question of the Formation of the Russian Traditional Clothes from with Straps]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 114–122.
- Pavlova, M.S. 2008. Zhenskii kostium i struktura traditsionnogo obshchestva: opyt postroeniia modeli [Women's Costume and Traditional Society Structure: The Experience of Creating a Model]. In *Issledovanie arkheologicheskikh pamiatnikov epokhi srednevekov'ia* [The Researches of Archaeological Sits of the Middle Ages], edited by A.V. Vinogradov, 103–138. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Pavlova, N.P. 2015. Tekstil'nye izdeliia v pogrebeniakh povolzhskikh finnov II tysiacheletiiia n.e. [The Textile Products in Burials of the Volga Region Finns of the II Millennium AD]. PhD diss. abstract, Moscow State University.
- Rabinovich, M.G. 1986. Drevnerusskaia odezhda IX–XIII vv. [Old Russian Cloth of 9th–13th Centuries]. In *Drevniiaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy* [The Ancient Clothes of the Ethnoses of the Eastern Europe], edited by M.G. Rabinovich, 40–61. Moscow: Nauka.

- Rybakov, B.A. 1949. Drevnosti Chernigova [The Antiquities of Chernigov]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii* 11: 7–99.
- Rybakov, B.A. 1953. Drevnie rusy [The Ancient Rus]. *Sovetskaia arkheologiia* XVII: 23–104.
- Saburova, M.A. 1974. Zhenskiiye golovnye ubory u slavian (po materialam Vologodskoi ekspeditsii) [The Female Headdresses of Slavs (on Materials of the Vologda Expedition)]. *Sovetskaia arkheologiia* 2: 85–97.
- Saburova, M.A. 1975. O zhenskikh golovnykh uborakh s zhestkoi osnovoi v pamiatnikakh domongol'skoi Rusi [About the Female Headdresses with a Rigid Basis in the Archaeological Sites of Pre-Mongolian Rus']. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* 144: 18–22.
- Saburova, M.A. 1976. Stoiachiye vorotniki i "ozherelki" v drevnerusskoi odezhde [The "Standing" Collars and "Ozherelki" in Old Russian Cloth]. In *Srednevekovaia Rus'* [The Medieval Rus'], edited by D.S. Likhachev, 226–230. Moscow: Nauka.
- Saburova, M.A. 1976. Sherstianye ubory s bakhromoi iz kurganov viatichei [The Woolen Attires with a Fringe from Barrows of Viatichi]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 127–132.
- Saburova, M.A. 1988. Pogrebal'naia drevnerusskaia odezhda i nekotoryye voprosy ee tipologii [The Burial Old Russian Cloth and Some Questions of Its Typology]. In *Drevnosti slavian i Rusi* [The Antiquities of the Slavs and Rus'], edited by B.A. Timoshchuk, 266–272. Moscow: Nauka.
- Saburova, M.A. 1997. Drevnerusskii kostium [Old Russian Costume]. In *Drevniia Rus'. Byt i kul'tura* [The Old Rus: The Life and Culture], edited by B.A. Rybakov, 93–109. Moscow: Nauka.
- Saburova, M.A. 2008. Variant rekonstruktsii zhenskogo golovnogo ubora po materialam pogrebenii Gochevskogo mogil'nika [The Variant of Reconstruction of a Female Headdress on Materials of the Burials of the Gochevo Burial Mounds]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* 222: 209–213.
- Saburova, M.A. 2012. Nakhodki detalei odezhdy v Suzdal'skoi zemle i ikh znachenie dlia izucheniia istorii formirovaniia russkogo natsional'nogo kostiama [The Finds of the Cloth Details in Suzdal Land and Their Significance for the Study of the History of Formation of Russian National Costume]. In *Zhenskaia traditsionnaia kul'tura i kostium v epokhu Srednevekov'ia i Novoe vremia. Materialy mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo seminara* [The Female Traditional Culture and Costume during the Middle Ages and Modern Times: The Materials of the Scientific Seminar], edited by N.V. Zhilina and Yu.V. Stepanova, 151–154. Moscow; St. Petersburg: Al'ians-Arkheo.
- Saburova, M.A., and A.K. Elkina. 1991. Detali drevnerusskoi odezhdy po materialam nekropolia Suzdalia [The Details of the Old Russian Cloth by Materials of the Suzdal Necropolis]. In *Materialy po srednevekovoi arkheologii Severo-Vostochnoi Rusi* [The Materials on the Medieval Archaeology of the North-Eastern Rus'], edited by M.V. Sedova, 53–77. Moscow: IA AN SSSR.
- Savenkova, M.M. 2015. Ponevy iz srednevekovogo Novgoroda (po materialam arkheologicheskikh raskopok) ["Poneva" from the Medieval Novgorod]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* 9/59 (1): 150–155.
- Sedov, V.V. 1986. Odezhda vostochnykh slavian VI–IX vv. [The Cloth of the Eastern Slavs of the 6th–9th Centuries]. In *Drevniiaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy* [The Ancient Clothes of the Ethnoses of the Eastern Europe], edited by M.G. Rabinovich, 30–39. Moscow: Nauka.
- Sedov, V.V. 1994. *Ocherki po arkheologii slavian* [The Essay on Archeology of Slavs]. Moscow: IA RAN.
- Shpilev, A.G. 2011. Etnograficheskie paralleli k kostiumu tantsuushchei devushki na brasletakh XII v. iz GIMa [The Ethnographic Parallels to the Costume of a Dancing Girl of the Bracelets of 12th Century from State Historical Museum]. In *Zhenskaia traditsionnaia kul'tura i kostium v epokhu Srednevekov'ia i Novoe vremia* [The Female Traditional Culture and Costume during the Middle Ages and Modern Times], edited by N.V. Zhilina and Yu.V. Stepanova, 161–167. Moscow; St. Petersburg: Al'ians-Arkheo.
- Sosnina, N., and I. Shagina. 1998. *Russkii traditsionnyi kostium. Entsiklopediia* [Russian Traditional Costume]. St. Petersburg: Iskusstvo.
- Sreznevskii, I.I. 1890–1912. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamiatnikam. T. 1–3* [The Materials for the Dictionary of Old Russian Language on Written Sources. Vol. 1–3]. St. Petersburg: Tipografiia imperatorskoi Akademii nauk.
- Stepanova, Yu.V. 2009. *Drevnerusskii pogrebal'nyi kostium Verkhnevolzh'ia* [Old Russian Burial Costume of Upper Volga Region]. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
- Voronov, V.S. 1924. *Krest'ianskoe iskusstvo* [The Peasant Art]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Zelenin, D.K. 1991. *Vostochnoslavianskaia etnografiia* [East Slavs Ethnography]. Moscow: Nauka.

- Zhilina, N.V. 2007. Kosy i useriazi tverskoi boiaryni [The Braids and “Useriazi” of Tver Boyar]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* 8 (II): 219–227.
- Zhilina, N.V. 2014. *Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiia, stilistika i khronologiiia ukrashenii* [The Old Russian Hoards of 9th–13th Centuries: Classification, Stylistics and Chronology of Ornaments]. Moscow: Librokom.
- Zots, E.P., and S.A. Zots. 2012. Zhenskii kostium i ego detali po materialam kurgannogo mogil’nika Novoselki 2 [The Female Costume and It’s Details by Materials of the Barrow Group Novoselki 2]. In *Zhenskaia traditsionnaia kul’tura i kostium v epokhu Srednevekov’ia i Novoe vremia* [The Female Traditional Culture and Costume during the Middle Ages and Modern Times], edited by N.V. Zhilina and Yu.V. Stepanova, 2: 66–75. Moscow; St. Petersburg: Al’ians-Arkheo.
- Zubkova, E.P., and O.V. Orfinskaia. 2007. Predvaritel’nye itogi issledovaniia tekstilia iz pogrebeniia № 3 Starovoznesenskogo IV raskopa v Pskove [The Preliminary Results of a Research of Textiles from Burial No. 3 of the Starovoznesensky IV Excavation in Pskov]. *Arkheologiiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli* 22 (52): 56–75.